

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ, И САНКЦИИ КАК ЕЕ ВЕДУЩИЙ ИНСТРУМЕНТ

Сергей Геннадьевич КАПКАНЩИКОВ^{а*}, Светлана Викторовна КАПКАНЩИКОВА^б

^а доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Институт экономики и бизнеса, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Российская Федерация
kafedra_we@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9459-5516>
SPIN-код: 3763-8142

^б кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой таможенного дела и правового регулирования внешнеэкономической деятельности, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Российская Федерация
kafedra_td@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9838-1291>
SPIN-код: 3282-1852

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 01.03.2018
Получена в доработанном виде 18.03.2018
Одобрена 02.04.2018
Доступна онлайн 15.06.2018

УДК 336.7(075.8)

JEL: E34, E58, E62, F52, R51

Ключевые слова:

гибридная война, технологические и финансовые санкции, «цветные» революции, «окно Овертона», «голландская болезнь»

Аннотация

Тема. После присоединения Крыма и Севастополя к Российской Федерации США и Евросоюз объявили нашей стране гибридную войну, ведущим инструментом которой выступают сегодня западные санкции. Механизм их негативного влияния на отечественную экономику, а также способы противодействия им нуждаются в детальном экономико-теоретическом анализе.

Цели. Доказательство тесной связи негативных последствий санкций со стратегическими дефектами бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики российского государства, которые позволили санкционным ограничениям лечь на благодатную почву.

Методология. В работе использовано разнообразие методологических подходов к исследованию содержания и инструментов гибридной войны с акцентом на системный подход.

Выводы. Проведен сравнительный анализ холодной войны против СССР и гибридной войны против России с раскрытием многообразия применяемых нападающей стороной инструментов (включая информационные). Глубинные причины гибридной войны связываются со стремлением США преодолеть их геоэкономическое отставание от КНР посредством недопущения ее военно-экономического союза с Российской Федерацией. Раскрыты место «цветных революций» и технологии «окна Овертона» в механизме ведения гибридной войны. Установлена прямая и обратная связь западных технологических и финансовых санкций с текущим состоянием российской экономики. Запущенность «голландской болезни» в нашей стране, нежелание властей кардинально менять сложившуюся в ней модель сырьевого государства, излишняя жесткость денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, породившая резкий рост корпоративного долга нерезидентам, явились той совокупностью эндогенных причин, которая усилила негативный социально-экономический эффект «санкционной войны» против России.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Капканщikov С.Г., Капканщикова С.В. Гибридная война как угроза экономической безопасности России, и санкции как ее ведущий инструмент // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2018. – Т. 14, № 6. – С. 1044 – 1059.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.6.1044>

Кризисное состояние современной российской экономики явилось результатом действия факторов, исследование механизма влияния которых на текущее состояние национальной безопасности и тенденции его изменения экзогенных и эндогенных безопасности и тенденции его изменения

является актуальной задачей отечественной науки. Чрезвычайно значимым внешним фактором вхождения России в хозяйственную рецессию явилось введение, начиная с июля 2014 г., западных ограничительных мер (санкций) против оборонного, энергетического, финансового и транспортного секторов отечественной экономики преимущественно в той их части, в которой они относятся к ее разросшемуся за последнее время государственному сектору.

Бытовавшее в недавнем прошлом представление о бесконфликтности существования России в постсоветском мировом пространстве после становления в ней рыночных отношений оказалось иллюзией. Рассматривая нашу страну в качестве центра сопротивления сформировавшемуся в результате распада СССР однополярному миру, имея своеобразное представление о наилучшем мировом порядке, США и их союзники (страны ЕС, Канада, Япония, Австралия, Швейцария, Норвегия, Новая Зеландия) после трагических событий на Украине и воссоединения Крыма с РФ ввели антироссийские экономические санкции. Последующее усиление санкционного давления оказалось связанным с действиями России в Сирии по поддержке «незаконного правительства» (в западной трактовке) и «незаконных военных формирований».

Глубинной причиной этих санкционных мер является нарастающее геоэкономическое отставание США от Китая, которое побуждает американские власти жестко противостоять ему путем развязывания очередной крупной войны в Европе – между Россией (которую они хотят ослабить и расчлениить, в том числе для того, чтобы предотвратить ее вероятный мощный союз с КНР) и большинством остальных европейских государств, в едином порыве вставших на защиту Украины от мнимой российской угрозы. Военные действия фактически уже начались, хотя ведутся они не традиционным путем разрушения материальных объектов и гибели

миллионов солдат на поле брани. Развернулась так называемая гибридная (смешанная) война – от слова «гибрид» (как некий продукт, произведенный в результате скрещивания совокупности его различных видов). Названная так в начале XXI в. в американской военной литературе, она заменяет прямое вторжение регулярной армии, чрезвычайно опасное для нападающей стороны из-за очевидного военного могущества России, преимущественно косвенными враждебными воздействиями, осуществляемыми в чрезвычайно широком диапазоне [1].

Хотя гонка вооружений продолжается и здесь, однако реальные боевые действия с задействованием иностранных военных консультантов и поставками оружия ведутся на территории государств, не выступающих прямыми участниками противоборства, но так или иначе входящих в орбиту российских интересов (сегодня это территория Украины). Причем все многочисленные виды косвенного военного противостояния, четко ориентированные на подрыв безопасности национальной экономики, строго координируются нападающей стороной, которая, впрочем, принципиально не желает признавать свою реальную вовлеченность в конфликт. Гибридная война, по мнению И.А. Николайчука, – это «использование подходов теории хаоса и управляемого хаоса в международной политике и деятельности по смене политических режимов в различных странах» [2].

Ведущими инструментами гибридной войны как войны управляемого хаоса являются внедрение прямых агентов иностранных государств в государственные структуры и неправительственные организации, системный террор (в том числе набирающий силу террор телефонный – в виде ложных сообщений о заложенных бомбах), всемерная поддержка националистических организаций, борьба за влияние в третьих странах, кибератаки, диверсии, организация протестных массовых беспорядков вплоть до развязывания

гражданской войны, вербовка оппозиционеров, действующих на российской территории – вплоть до фабрикования допинговых скандалов в отношении «звезд» российского спорта с лишением их законно заработанных олимпийских наград в целях дискредитации страны. В сфере экономики используются сознательный обвал курса национальной валюты для провоцирования обнищания населения и скачка инфляции, демпинг на рынке углеводородов и другого сырья в интересах подрыва финансовой безопасности государства, содействие обретению нерезидентами контроля над приватизированными объектами энергетической и иной инфраструктуры, попытки подкупа парламентариев и членов экономического блока правительства, использование мощного влияния олигархов (имеющих значительную часть интересов за пределами России, хранящих там свои капиталы и потому подверженных влиянию заокеанских властей), ультралиберальной интеллигенции и преступных сообществ на средства массовой информации и хозяйственную ситуацию в стране, втягивание ее в крайне затратные, истощающие казну военные конфликты за рубежом. В результате успешной смешанной войны вместо разрушенной летальным оружием страны агрессор получает национальные ресурсы под свое внешнее управление.

Еще древние хорошо знали, что отравление колодцев и подкуп части обороняющихся с тем, чтобы они открыли ворота крепости, – куда более эффективный способ достижения победы, чем длительная ее осада. Сегодня нападающей стороной ставится, по сути, та же цель – подрыв суверенитета страны, переход к управлению ею марионеточным правительством, принимающим ключевые решения (сокращение государственных расходов, включающее реформирование здравоохранения с увольнением врачей и закрытием районных поликлиник, необоснованное завышение внутренних цен и тарифов, удорожание кредита для населения и предприятий и т.п.) в свою пользу.

Гибридная война имеет генетическое единство с холодной войной, в которую Советский Союз и другие страны Варшавского договора были вовлечены в 1946 г. после известной фултонской речи У. Черчилля, призвавшего англосаксов объединиться в борьбе с коммунистическими режимами. Если «горячая» война гитлеровской Германии против нашей страны успехом не увенчалась, то война холодная, об окончании которой официально заявили на Мальте в декабре 1989 г. М.С. Горбачев и Дж. Буш-младший, принесла весомый результат. Победителями в ней оказались США и их союзники, а проигравшими – расчлененный вскоре после этого СССР и распадающаяся мировая социалистическая система. После убедительной победы стран – членов НАТО в полувековом противостоянии с нашей страной наступил относительно короткий период ослабления экономической войны, к настоящему времени завершившийся. И на наших глазах обновленная стратегия глобального доминирования Запада начала свою интенсивную реализацию.

Существенным отличием холодной и гибридной войн (наряду с качественным технологическим скачком в сфере вооружений, а также благоприятным для России перемещением производства многих видов высокотехнологичной продукции в развивающиеся страны, не участвующие в санкционной войне) является опора современных военных действий на информационные технологии, глобальные сетевые устройства. По понятным причинам их еще не было во второй половине XX в., когда советские граждане получали информацию не из сети Интернет, а из подверженных жесткой цензуре газет, радио и телевидения. Сегодня же, получив неограниченные информационные возможности (в 2015 г. доля российских семей, имеющих доступ к Интернету, составила 75%, тогда как в 2013 г. их было 69%), противник на базе монополизации международных информационных ресурсов в ходе войны на киберпространстве стремится

оказать разрушительное воздействие на общественное сознание россиян, а также на решения официальных лиц, способных принимать далекие от оптимума судьбоносные решения. Интенсивно заражая их либеральной идеологией, упрощенными и, следовательно, искаженными представлениями о безусловной пользе глобализации, преимуществах всемерного открытия экономики внешнему миру, бездефицитного бюджета в обстановке кризиса, решительной борьбы с инфляцией спроса посредством сжатия денежной массы, скорейшего погашения внешнего государственного долга в условиях неполной занятости ресурсов, масштабного экспорта сырья и т.п., спецслужбы развитых стран через дезинформацию и манипулирование общественным сознанием существенно облегчают для себя достижение заветной цели завоевания мирового господства.

И надо признать, что орудия подобной информационной войны (включая сознательную фальсификацию экономической истории страны, замалчивание достижений советского периода, их извращение фильмами, подобными «Смерти Сталина») оказывают зачастую гораздо более разрушительное воздействие на глубинные устои социального организма, чем ракеты, подводные лодки или военные самолеты. И дело не только в том, что агрессор (в том числе информационный), нападающий первым, всегда обладает немалой инициативой. В условиях затянувшегося кризиса системы образования, сознательно реформируемого под более слабые западные стандарты, в стране остается все меньше граждан, способных «переварить» чудовищный по объему поток информации и успешно отделить истину от откровенной дезинформации.

Например, воспринимая всерьез угрозу масштабной коррупции в стране, многие россияне вполне могут пополнить ряды прозападной либеральной оппозиции и сторонников политического экстремизма, не задумываясь, что результатами их политической борьбы вполне могут

воспользоваться власти государств – стратегических противников Российской Федерации. И тогда финансовые ресурсы, не попавшие в руки отечественных коррупционеров, в еще большем объеме могут оказаться не у российского народа, а в распоряжении недружественно настроенных нерезидентов.

Значимым инструментом гибридной войны является подготовка и осуществление так называемых «цветных» революций, преследующих цель смены правящего режима в той или иной стране, нелояльно относящегося к государству-противнику. Если в доиндустриальном обществе крестьянские восстания по определению являлись кровавыми, а в постиндустриальном обществе политические проблемы разрешаются довольно мирно, демократическими инструментами, то в индустриальном обществе «цветные» революции («бархатная» революция 1989 г. в Чехословакии, «оранжевые революции» 2004 г. и 2014 г. на Украине и др.) ведутся посредством задействования преимущественно ненасильственной политической борьбы. Обычно это массовые уличные акции протеста под руководством радикально настроенных политиков, щедро материально поддерживаемых из-за рубежа, против ограничения гражданских свобод, коррупции, нищеты, высоких цен, ухудшения качества образования, пенсионного обеспечения и т.п., которые способны завершиться государственным переворотом.

Не секрет, что за большинством «цветных» революций – как удачных (например, в Грузии в 2003 г, Киргизии в 2005 г.), так и неудачных (в Армении в 2008 г., Белоруссии в 2010 г.) – стоят Соединенные Штаты, бесцеремонно использующие лидирующее положение в сформировавшемся однополярном мире для реализации своих целей и наращивания доходов крупнейших транснациональных корпораций. Сегодня плацдармом для дальнейшего ущемления интересов России для США стала Украина, явно не свободные

правительство и президент которой беспрекословно выполняют указания Вашингтона даже в ущерб экономике собственной страны. Но в перспективе американские власти хотели бы создать вокруг всей России некий «пояс нестабильности» (с натравливанием боевиков «Исламского государства»¹ и афганских талибов на страны Центральной Азии и российский Северный Кавказ), последовательно укрепляя свои позиции в государствах, с ней граничащих, экспортируя хаос на их территорию.

Для достижения своих грандиозных геэкономических задач Запад беззастенчиво использует такую технологию уничтожения общества и внедрения немислимых идей, как «окно Овертона». Известно, что еще в середине 1990-х гг. американец Дж. Овертон разработал 6-ступенчатую шкалу для классификации идей по степени их допустимости – от «немисливо» через «радикально», «приемлемо», «разумно», «популярно» до «действующей нормы». И главной задачей стороны, инициировавшей гибридную войну, становится в этом случае перевод неких изначально невозможных, казалось бы, общественных представлений в категорию вполне приемлемых на государственном уровне и, наконец, нормальных, входящих в арсенал действующей политики. В экономической сфере примером подобных антипатриотичных взглядов могут считаться безусловная целесообразность вступления России в ВТО, допустимость питаться в основном зарубежным продовольствием или возвращенным с применением импортных семян, развезжать на иностранных автомобилях, летать сугубо на «Боингах» и «Аэробусах», хранить сбережения в иностранной валюте, активно закрывать машиностроительные заводы и строить на их месте торгово-развлекательные комплексы и т.п. К ним примыкают настойчиво навязываемые представления о пользе изъятия детей из семей под надуманным во многих случаях предлогом опасности их здоровью,

целесообразности массовой межстрановой миграции населения, допустимости однополых браков с усыновлением детей и т.п. И стоит только обществу в рамках своего избыточного стремления к толерантности стереть границы между добром и злом, как угрозе его поражения в современной смешанной войне становится нереально противостоять.

Все более важным элементом гибридных конфликтов становятся санкции – принудительные меры, применяемые к государству, нарушающему международные соглашения, в целях побуждения его к выполнению своих обязательств. Они и во времена холодной войны (а фактически на протяжении всего периода существования советской плановой экономики в 1917–1991 гг.) активно использовались Западом против нашей страны. Экономическая война в отношении СССР была неотъемлемым компонентом механизма его взаимоотношений со многими странами. В разные годы она велась (с интенсивностью, зависящей от степени разобщенности западных стран), в частности, из-за стремления советских властей развязать социалистические революции в других странах, заключения пакта Молотова–Риббентропа и его реализации в ряде государств восточной Европы, подавления войсками СССР и других стран Варшавского договора восстания в Венгрии и «пражской весны». Одни из последних санкций, состоявших в эмбарго на поставки зерна и технологий, были запущены в 1980-е гг. в связи с вводом советских войск в Афганистан. Но и затем, как только экономика нашей страны начинала, как говорится, «подниматься с колен», так сразу властями США она снова признавалась врагом номер один.

К настоящему времени страны ЕС, руководствуясь ст. 215 Договора о функционировании Европейского союза, ввели ограничительные меры в отношении примерно 30 государств, среди которых

¹ Экстремистская организация, запрещенная в РФ.

наряду с Россией числятся Украина (коль скоро Крым официально считается ее частью), Белоруссия, Молдова, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория [3]. Основаниями для принятия подобных мер, формально предупреждающих острые конфликты и тем самым укрепляющих международную безопасность, в Европе признаются развязывание террора, распространение ядерных материалов, нарушение прав человека, умышленная дестабилизация обстановки в той или иной стране и, наконец, аннексия иностранных территорий. Именно два последних пункта – действия России в отношении Крыма и Донбасса – объясняют принятие антироссийских санкционных мер. С. Сильвестров расценивает санкции против России как *«способ продемонстрировать претензию на изменение судьбы любых государств, проводящих суверенную, основанную на собственных интересах и ценностях, политику»* [4].

Санкции против России, многократно усиленные процессом падения мировых цен на нефть (тоже в немалой степени рукотворным), имеют, безусловно, долговременные последствия и, способные действовать неопределенное время, причем с нарастающей интенсивностью, они как новая реальность геополитики усиливают риск безнадежного отставания от развитых стран. Конечно, санкционная война пока еще не повлекла за собой того, что было описано в начале 2015 г. экс-президентом США Б. Обамой в его выступлении перед Конгрессом: якобы «российская экономика разорвана в клочья». По крайней мере, дело еще не дошло до массового замораживания активов нашего государства, находящихся за границей (что, впрочем, не исключает заморозки счетов некоторых россиян), запрета на масштабные поставки оборудования для гражданских отраслей. Однако трудно отрицать негативное воздействие случившегося санкционного противостояния на отечественную экономику, учитывая запуск его в обстановке, когда Россия и Запад находились в противофазе экономического

роста (у них наблюдалось оживление, а у нас – рецессия), и когда наблюдающаяся в современном мире нисходящая ветвь длинноволнового кондратьевского цикла делает ближайшие 7–8 лет периодом резкого обострения политических и военных конфликтов с их вероятными катастрофическими последствиями.

Между технологическими и финансовыми санкциями Запада и состоянием российской экономики существует как прямая, так и обратная связь.

С одной стороны, санкции уже сегодня имеют прокризисный экономический эффект. Он обусловлен введением многими странами запрета на экспорт в Россию передового инвестиционного оборудования и технологий для глубоководного бурения, услуг по разведке и добыче трудноизвлекаемых энергоресурсов на арктическом шельфе, а также по реализации проектов сланцевой нефти [5]. По мере исчерпания досанкционных запасов инвестиционных благ пострадавшими от этих «таргетных санкций» все более становятся «Роснефть», «Транснефть», «Новатэк», «Газпром нефть» и другие экспортоориентированные квазигосударственные компании топливно-энергетического комплекса, которые по соответствующим технологическим причинам (коль скоро зависимость от импорта некоторых видов оборудования у них составляет 80–90%, а быстрое нахождение новых партнеров или оперативное импортозамещение здесь попросту нереально) не могли не сократить потенциальный объем добычи энергоносителей на 5–10%.

Был запрещен также экспорт продукции и технологий двойного назначения в отношении стратегически важных для наращивания экспорта и пополнения государственного бюджета оборонных предприятий – «Уралвагонзавода» (крупнейшего в мире производителя танков), Объединенной судостроительной корпорации, концерна «Алмаз-Антей» (предприятия воздушно-

космической обороны), концерна «Калашников» и др. И сохраняющаяся зависимость от импортного военного оборудования (например, французских вертолетоносцев, немецких дизельных агрегатов для судостроения) в русле прежнего, досанкционного сотрудничества с многочисленными зарубежными компаниями поставила под сомнение дальнейшее наращивание выполнения гособоронзаказа, экспорта вооружений и побудило российские власти к переходу на еще большее самообеспечение в области обороны [6]. Разграничивая украинский фактор в широком смысле (санкции Запада) и собственно «украинский фактор» в узком смысле, Л. Косикова оценивает потери России от действия последнего (из-за резкого сокращения товарооборота между Россией и Украиной, вынужденного ухода российских корпораций и банков с украинского рынка, простоя российских предприятий по причине отсутствия украинских комплектующих, обустройства Крыма и т.п.) за прошедшие после «Евромайдана» 3 года от 72–75 (минимально) до 130–150 (максимально) млрд долл. США [7].

К тому же многие из отмеченных ранее российских корпораций, а также 5 крупнейших государственных банков (Сбербанк, Внешэкономбанк, ВТБ, Россельхозбанк, Газпромбанк – а это по активам не менее половины отечественного банковского сектора) лишились возможности выходить на долговые рынки США и Европы для рефинансирования своих масштабных внешних обязательств перед странами, примкнувшими к санкционной войне. Конечно, теоретически они могли найти альтернативные источники «длинных» и дешевых денег в странах, не присоединившихся к санкциям (КНР, Индии, Бразилии, Индонезии, Южной Кореи, Иране и др.), но в условиях глобализации мировой финансовой системы и превращения ее, по сути, в единое целое возможности для этого крайне невелики, тем более в связи с наличием реальных опасностей для

кредиторов в плане запуска карательных акций с американской стороны. Недавний инцидент с французским банком BNP Paribas, вынужденным заплатить властям США несколько миллиардов долларов за нарушение режима санкций против Кубы, Ирана и Судана, конечно же, не может не настораживать другие банковские структуры. Не случайно такие азиатские финансовые центры, как Гонконг, Сингапур, Шанхай, не слишком охотно откликаются сегодня на просьбы российских компаний о предоставлении кредитных ресурсов.

Помимо урезания инвестиционных программ из-за ограниченного доступа к внешним финансовым рынкам, а также по причине возросших геополитических рисков для зарубежных партнеров, уклоняющихся в новой ситуации от запуска уже разработанных проектов, это побудило корпоративный сектор для сокращения своей задолженности (а только в 2014–2015 гг. внешний долг российских банков сократился с 214,4 до 131,7 млрд долл. США, а компаний – с 436,8 до 342,6 млрд долл. США [8]) приобретать валюту внутри страны или претендовать на ее получение от российского государства с соответствующей утратой части своей финансовой независимости. «Отключение» России от дешевых западных денег и переориентация на внутренние источники финансирования в сочетании с масштабным оттоком капитала, пятикратным сокращением поступлений прямых иностранных инвестиций в РФ в 2015 г. по сравнению с 2013 г. и резким уменьшением притока нефтедолларов привели к резкому стихийному ослаблению обменного курса рубля с его немалыми инфляционными последствиями. По оценке Е. Гурвича и И. Прилепского, вклад санкций в девальвацию в 2015 г. составил примерно 6 руб. [9].

Последовательно реализуя концепцию НАТО по «сдерживанию России», в августе 2017 г. президент США Д. Трамп подписал закон о распространении ограничительных мер на транспортные отрасли нашей страны, включая

экспортные нефте- и газопроводы. Так, расчищая европейский рынок для своего гораздо более дорогостоящего сжиженного газа, американцы угрожают санкциями тем банкам, которые оказывают кредитную поддержку строительству трубопровода «Северный поток-2». Серьезно ущемляя экономические интересы стран Евросоюза (в целом потери Евросоюза от введения санкций и российского эмбарго Европейская комиссия оценивает в 40 млрд евро в 2014 г. и 50 млрд евро – в 2015 г. [10]), которые состоят в использовании огромных топливно-сырьевых ресурсов России европейскими потребителями, Соединенные Штаты оказывают беспрецедентное давление на своих союзников для осуществления фактической блокады нашей страны в энергетической сфере.

В сложившейся ситуации «Газпрому», и без того инвестиционно перенапряженному из-за одновременного строительства еще и «Турецкого потока», а также «Силы Сибири», приходится наращивать свой внешний долг (за отметкой в 40 млрд долл. США, которую он достиг уже в конце 2017 г.) для завершения строительства нефтепровода в обход Украины. Но даже в случае успешного решения этой масштабной задачи российскому правительству придется понести немалые потери от реализации стратегии Запада на «диверсификацию источников» и достижение собственной энергобезопасности, трактуемой как неуклонное ослабление зависимости от поставок энергоносителей с Востока. Подобное ослабление достигается пока не столько путем прямого отключения потребителей от российских нефте- и газопроводов, а также энергосетей, сколько посредством налаживания реверсного снабжения энергоносителями стран, граничащих с Россией (особенно Украины).

В 2018 г. вполне может вступить в действие новый санкционный пакет, направленный против кредиторов и поставщиков ведущих предприятий – флагманов российского военно-промышленного комплекса, которые

контролируют 90% экспорта вооружений нашей страны и выполняют 75% оборонного заказа Министерства обороны РФ. В стадию активного обсуждения вошел проект отказа западных стран от приобретения государственных облигаций (номинарованных как в рублях, так и в иностранной валюте), способного спровоцировать очередную девальвацию рубля, а также резко сократить возможности внешнего финансирования бюджетного дефицита нашей страны и заставить фискальные власти заместить его внутренним финансированием с общеизвестными негативными последствиями для реальных инвестиций.

С другой стороны, антироссийских санкций (да и киевского майдана как формального повода для их запуска) попросту не случилось, если бы российская экономика не оказалась в кризисном состоянии по целой совокупности внутренних причин, став наиболее слабым звеном нашего социального организма. Именно потому, что за последнюю четверть века экономическая система России так и не смогла обеспечить высоких темпов устойчивого роста ВВП в его новом качестве и доля нашей страны в мировом ВВП заметно сократилась, страны G-7 получили, наконец, реальный шанс на устранение своего стратегического конкурента посредством вводимых на долгие десятилетия и неуклонно расширяющихся санкционных мер в комбинации с регулярным сознательным удешевлением энергоносителей. Все это позволяет им противодействовать потенциальной угрозе возрождения хозяйственного могущества России в качестве великой державы, неуклонного усиления ее влияния на социально-экономические и политические процессы, протекающие на евразийском пространстве. И даже если бы украинских событий не было, то, как отмечал Президент РФ В.В. Путин, западные страны придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдерживать растущие возможности России, повлиять на нее, а еще лучше – использовать в своих интересах. Здесь налицо одностороннее движение – своего рода

«храповик»: после присоединения Крыма к России санкции объявляются, в случае его возвращения санкции никто отменять не станет. И это не удивительно, коль скоро, по Крылову, «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Между тем стереотипом поведения российских властей, подверженных вирусу избыточного либерализма, выступает сегодня их отчетливое стремление связать кризисное состояние современной отечественной экономики прежде всего с падением цен на нефть, а также с постсанкционной сложностью масштабных заимствований на зарубежных финансовых рынках, жесткими ограничениями на импорт многих инвестиционных товаров. Однако все эти экзогенные факторы явились всего лишь неким катализатором внутреннего стагнационного процесса, их влияние на состояние экономической безопасности оказалось многократно усиленным нерациональными действиями российского правительства и центрального банка. Ярко выраженное самодовольство политической элиты, с начала XXI в. жировавшей на нефтегазовой ренте, ее нежелание замечать стратегические изъяны избранного неоклассического экономического курса, наивное упование на приток иностранного спекулятивного капитала на российский «остров финансовой стабильности» не могли не препятствовать своевременной реакции на последовавшие вскоре кардинальные негативные перемены во внешней среде.

Решающим эндогенным фактором перехода «отечественного народного хозяйства от «деградационного роста» к деградации без роста» [11] стала неспособность государства искоренить механизмы «голландской болезни» и, как результат, продолжение безвольной эволюции отечественной экономики в русле сырьевой модели. В результате воспроизводства всего комплекса негативных черт этой стратегически неперспективной модели социально-экономических отношений (торможение НТП, чрезмерное расслоение

населения, коррупция, чрезмерная цикличность хозяйственного развития и т.п.) поступательная динамика российской экономики в ходе ее восстановительного роста должна была рано или поздно оказаться исчерпанной. «Экспортно-сырьевая модель российской экономики, – отмечает В. Маневич, – исчерпала свои возможности индуцировать экономический рост и превратилась в одну из главных причин длительной стагнации» [12].

Негативное влияние экзогенных факторов на российскую экономику имеет заведомо вторичный характер, поскольку они легли на весьма благодатную почву, подготовленную многолетней реализацией в социально-экономической политике ультралиберальных теоретических воззрений. В связи с этим оправданно рассматривать доминирование либералов в экономическом блоке правительства и центрального банке в качестве ведущей угрозы национальной безопасности России. Не секрет, что в период перед непосредственным развязыванием гибридной войны Запад детально просканировал Россию на предмет выявления наиболее слабых мест ее экономической системы. «Санкции тем результативнее, – подчеркивает С.В. Казанцев, – чем сильнее они воздействуют на «болевые точки» [13]. Понятно, что если бы в предшествующие последней хозяйственной рецессии годы в нашей стране не сформировалась ущербная модель «сырьевого государства» (в рамках либерального курса на формирование России как «великой энергетической державы»), и предприятия обрабатывающих отраслей не оказались задавленными однобоко ориентированной на преодоление инфляции спроса финансово-кредитной политикой, то реакция отечественной экономики на резкое сокращение мировых цен на энергоносители была бы далеко не столь катастрофической [14]. Если бы «голландская болезнь», усиливающаяся из-за отсутствия результативной государственной структурной политики, не прошла катком по машиностроению, едва ли санкционные технологические ограничения на поставки

зарубежного оборудования смогли остановить восходящую динамику российского ВВП. Как отмечают А.И. Булатова и Н.Р. Абелгузин, «экономические санкции могут быть эффективными только в случае, если страна существенно зависит от импорта запрещенных товаров и не в состоянии производить их аналоги» [15]. Во многом именно такая ситуация в машиностроительном комплексе России сложилась за последние два-три десятилетия.

При отказе от бездумного и крайне несвоевременного погашения государственного долга нерезидентам в первое десятилетие XXI в. вряд ли корпоративный внешний долг (как логичный результат реализации правительственной концепции опережающего погашения внешней задолженности) столь явно вышел бы за отметку финансовой безопасности². С Глазьев считает, что в этом случае российским предприятиям кроме всего прочего «не понадобились бы зарубежные займы – они получили бы дешевые кредитные ресурсы из внутренних источников. При этом не пришлось бы платить проценты зарубежным банкам и не возникло бы кризисной ситуации вследствие обесценения залогов и отзыва иностранных кредитов»³.

Санкции США и их союзников не смогли бы оказать сколько-нибудь серьезного влияния на российскую экономику в случае отсутствия чрезмерной открытости ее финансовой системы для притока и оттока спекулятивных капиталов, а также внешних займов. Если бы введение финансовых санкций, связанных с резким ограничением заимствований у нерезидентов, оказалось компенсированным адекватным расширением внутреннего кредита вкупе с решительным отказом Банка России от взвинчивания ключевой ставки и признанием перехода к свободному плаванию рубля в конце 2014 г. крайне несвоевременным, то сжатие частного, потребительского и инвестиционного спроса

(а затем, в связи с подрывом бюджетной сбалансированности, и спроса государственного) наверняка не стало бы столь губительным для отечественной экономики. В случае отказа Центрального банка от проведения своей ложно-монетаристской антиинфляционной политики (состоящей в искусственном занижении коэффициента монетизации отечественной экономики) и перехода к российскому варианту политики «количественного смягчения», активно применявшейся ФРС и ЕЦБ [16], западные санкции заведомо не стали бы столь ощутимыми. Только принудив российские монетарные власти к осуществлению на практике своих теоретических рекомендаций, разработанных для стран третьего мира, создав ситуацию, при которой российские банки «ограничены в своих возможностях увеличивать объем кредитования предприятий нефинансового сектора» [17], Международный валютный фонд мог всерьез рассчитывать на разрушительное воздействие санкционных мер.

Известно, что куда более серьезные санкции в отношении СССР не смогли в свое время остановить восходящую динамику отечественной экономики, поскольку пороговые значения экономической безопасности (отношение импорта к ВВП, соотношение внешнего государственного долга с последним, доля обрабатывающей промышленности в нем и др.) в советский период неукоснительно соблюдались. В современных же условиях несформированность многозвенного механизма финансово-кредитной поддержки российского товаропроизводителя не могла не привести к кардинальному постсанкционному ухудшению условий расширенного воспроизводства. В этих условиях западные страны склонны менять представление о России как геополитически значимой сверхдержавы, испытывающей временные трудности в экономической сфере. Они хотели бы перевести нашу страну в категорию всего лишь региональной державы, лишенной

² Капканщиков С.Г. Экономика России. Ч. 1: учеб. пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2013. С. 357.

³ Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России // Экономист. 2009. № 1. С. 9.

возможности кардинально влиять на мировой порядок.

При обосновании первичных причин нынешней хозяйственной рецессии акцент следует делать на факторы, связанные с непониманием российским руководством сути протекающих в нашей стране негативных социально-экономических процессов и их неспособностью адекватно на них реагировать. Не желая осознавать наступления «новой нефтяной реальности», то есть принципиальной невозможности резкого повышения мировых цен на нефть в обозримой перспективе, экономический блок правительства в пассивном ожидании очередного притока газонепфтедолларов по-прежнему теряет драгоценное время и не спешит запускать механизмы форсированной диверсификации отечественной экономики. Между тем, как отмечают Н. Акиндинова, Я. Кузьминов, Е. Ясин, даже *«если экономические санкции снимут (открыв для крупного бизнеса доступ к дешевым займам), а цены на нефть повысятся, ситуация 2003–2012 гг. не повторится»* [18]. Опираясь на неоклассическими представлениями о необходимости снижения государственных расходов, недопущения политики дешевых денег, фискальные и монетарные власти не уделяют должного внимания построению действенных встроенных стабилизаторов финансовой системы (прежде всего прогрессивной шкалы подоходного налогообложения физических лиц), достижению оптимальных ставок процента по кредитам, обеспечивающих одновременную нейтрализацию рисков и инфляции, и безработицы. Они умудрились допустить глубокий спад производства и всплеск безработицы даже в обстановке двукратной

девальвации рубля, которая, удешевляя используемые факторы производства, сама по себе выступает, как известно, немаловажным краткосрочным фактором хозяйственного оживления. Кризис в национальной экономике разворачивается на фоне колоссальных прибылей, присваиваемых многими экспортно ориентированными и импортозамещающими производствами, в результате чего 25 российских миллиардеров из списка Bloomberg Index в 2017 г. стали богаче на 21,6 млрд долл. США.

Таким образом, крайне удобная для правительства и центрального банка версия экономического кризиса последних лет лишена достаточных оснований, поскольку большинство причин торможения российского ВВП имеют внутреннюю природу. Они все отчетливее стали проявляться еще задолго до украинских событий. Отмеченные экзогенные факторы не смогли перевесить в своем негативном влиянии на ВВП факторы эндогенные, хотя и, безусловно, усилили воздействие последних, сделав кризисные потрясения еще масштабнее. В основе механизма развертывания нынешней хозяйственной рецессии лежат как устойчивое нежелание властей изменять сложившуюся модель социально-экономического развития нашего общества, так и новые стратегические просчеты в реализации бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики. Скорейшее устранение этих изъянов государственного регулирования в рамках становления социально-ориентированной разновидности смешанной экономики является непереносимым условием нейтрализации негативного влияния западных санкций на отечественную экономику и, как следствие, победы России в объявленной ей США и их союзниками гибридной войне.

Список литературы

1. Марков С.А. «Гибридная война» против России. М.: ТД Алгоритм, 2015. С. 9.
2. Николайчук И.А. О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3. С. 88.
3. Клинова М., Сидорова Е. Россия – Евросоюз: продолжение санкционного противостояния // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 115.
4. Сильвестров С. Новый американский законодательный акт о санкциях: очередные политические и экономические вызовы России // Российский экономический журнал. 2017. № 3. С. 63.
5. Афонцев С. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия не выполнима? // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 22.
6. Дэвис К.М. Конфликт на Украине: соотношение военно-политических сил и экономические санкции // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 206.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konflikt-na-ukraine-sootnoshenie-voenno-politicheskikh-sili-ekonomicheskije-sanktsii>
7. Косикова Л. Новейшие украинские шоки российской экономики (о воздействии «постмайданного» кризиса в РУ на воспроизводственные процессы в РФ) // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 82.
8. Борисова И., Замараев Б., Козлова И. и др. Российская экономика под гнетом санкций и дешевой нефти // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 8.
9. Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 29.
10. Бородин К. Влияние эмбарго и санкций на агропродовольственные рынки России: анализ последствий // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 125.
11. Винслав Ю. Стратегическое макропланирование и национальная промышленная политика: содержательны ли официальные законопроекты? // Российский экономический журнал. 2014. № 3. С. 3.
12. Маневич В. Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель роста» российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 121.
13. Казанцев С.В. Антироссийские санкции – вчера и сегодня // ЭКО. 2015. № 3. С. 66.
14. Капканщиков С.Г. Структурная политика российского государства в механизме преодоления «голландской болезни»: монография. Ульяновск: УлГУ, 2015. С.28.
15. Булатова А.И., Абелгузин Н.Р. Влияние санкций на экономику России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 26–37.
16. Решетова Л.В. Социально-экономические аспекты формирования модели реального технологического развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 491. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.3.491>

17. *Ершов М.* Механизм роста российской экономики в условиях обострения финансовых проблем в мире // *Вопросы экономики*. 2016. № 12. С. 17.
18. *Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е.* Экономика России: перед долгим переходом // *Вопросы экономики*. 2016. № 6. С. 23.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

HYBRID WARFARE AS A THREAT TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY, AND SANCTIONS AS ITS MAIN TOOL

Sergei G. KAPKANSCHCHIKOV^{a,*}, Svetlana V. KAPKANSCHCHIKOVA^b

^a Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation
kafedra_we@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9459-5516>

^b Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation
kafedra_td@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9838-1291>

* Corresponding author

Article history:

Received 1 March 2018
Received in revised form
18 March 2018
Accepted 2 April 2018
Available online
15 June 2018

JEL classification: E34,
E58, E62, F52, R51

Keywords: hybrid warfare,
technological sanction,
financial sanction, color
revolution, Overton window,
Dutch disease

Abstract

Importance Once Crimea and the city of Sevastopol joined the Russian Federation, the USA and EU unleashed a hybrid war against Russia, using the Western sanctions to influence it. It is critical to conduct an in-depth economic and theoretical analysis of their adverse effect mechanism.

Objectives The research is to prove close relationship of adverse effects of the sanctions and strategic defects of the budgetary, fiscal and monetary policies of the Russian Federation, thus fueling the sanctions and their consequences.

Methods The research employs a variety of methodological approaches to studying the content and tools of the hybrid warfare, focusing on the systems approach.

Conclusions and Relevance We conduct a comparative analysis of the cold war against the USSR and hybrid war against Russia, unravelling multiple tools used. As for the profound reasons for the hybrid warfare, the USA attempts to compensate for its geoeconomic lag behind China by preventing its economic alliance with Russia. We also reveal the role of color revolutions and the Overton window in the hybrid warfare mechanism. The article traces the direct and inverse relationship of the Western technological and financial sanctions and the current economic situation in Russia. The severe Dutch disease, reluctance of authorities to dramatically change the resource-based model, rigid monetary and fiscal policies engendered endogenous causes intensifying the negative socio-economic effect of the sanction-driven war against Russia.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Kapkanschchikov S.G., Kapkanschchikova S.V. Hybrid Warfare as a Threat to Russia's Economic Security, and Sanctions as Its Main Tool. *National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, iss. 6, pp. 1044–1059.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.6.1044>

References

1. Markov S.A. “*Gibridnaya voina*” protiv Rossii [The hybrid warfare against Russia]. Moscow, Algoritm Publ., 2015, p. 9.
2. Nikolaichuk I.A. [On the essence of hybrid war in the context of the current military-political situation]. *Problemy natsional’noi strategii = National Strategy Issues*, 2016, no. 3, p. 88. (In Russ.)
3. Klinova M., Sidorova E. [Russia – European Union: The continuation of the sanctions standoff]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 6, p. 115. (In Russ.)

4. Sil'vestrov S.N. [New American legislative act on sanctions: the usual political and economic challenges to Russia]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2017, no. 3, p. 63. (In Russ.)
5. Afontsev S. [Crisis Management under Economic Sanctions: Mission Impossible?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 4, p. 22. (In Russ.)
6. Davis Ch.M. [The Ukraine conflict, economic-military power balances and economic sanctions]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2016, no. 4, p. 206.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konflikt-na-ukraine-sootnoshenie-voenno-politicheskikh-sili-ekonomicheskikh-sanktsii> (In Russ.)
7. Kosikova L.S. [Recent Ukrainian shocks of Russian economy (on Influence of 'Post-Maydan' Crisis in RU to Reproduction Processes in the RF)]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2017, no. 4, p. 82. (In Russ.)
8. Borisova I., Zamaraev B., Kozlova I. et al. [Russian economy under the pressure of sanctions and cheap oil]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 7, p. 8. (In Russ.)
9. Gurvich E., Prilepskii I. [The impact of financial sanctions on the Russian economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 1, p. 29. (In Russ.)
10. Borodin K. [The impact of the embargo and sanctions on the agri-food markets in Russia: Analysis of consequences]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 4, p. 125. (In Russ.)
11. Vinslav Yu. [Strategic macroplanning and national industrial policy: Are official draft laws meaningful?]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2014, no. 3, p. 3. (In Russ.)
12. Manevich V. [Alternative strategies of overcoming stagnation and a 'new growth model' of the Russian economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 8, p. 121. (In Russ.)
13. Kazantsev S.V. [Sanctions on Russia – yesterday and today]. *EKO = ECO*, 2015, no. 3, p. 66. (In Russ.)
14. Kapkanschchikov S.G. *Strukturnaya politika Rossiiskogo gosudarstva v mekhanizme preodoleniya 'gollandskoi bolezni': monografiya* [Structural policy of the Russian governments as part of the Dutch disease treatment mechanism: a monograph]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University Publ., 2015, p. 28.
15. Bulatova A.I., Abulguzin N.R. [Influence of sanctions on Russia economy]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 3, pp. 26–37. (In Russ.)
16. Reshetova L.V. [Socio-economic aspects of the formation of Russia's real technological development model]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 3, p. 491. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.3.491>
17. Ershov M. [On the mechanisms of growth of the Russian economy under conditions of worsening financial problems in the world]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 12, p. 17. (In Russ.)

18. Akindinova N., Kuz'minov Ya., Yasin E. [Russia's economy: Before the long transition]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 6, p. 23. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.